© 1997 г.

ПРОФЕССОР ИОСИФ МОИСЕЕВИЧ ТРОНСКИЙ В ЕГО ПИСЬМАХ*

(К 100-летию со дня рождения)

Заслуги И.М. Тронского перед отечественным антиковедением были признаны широкой научной общественностью уже при жизни выдающегося ученого и высоко оценены после его кончины в 1970 г.[1] Гораздо менее известен, особенно нынешнему поколению, он как человек. Восстановлению его облика могут помочь письма, которые сохранились у меня из нашей переписки за последние 15 лет его жизни. Началась она в феврале 1955 г. с его краткого отклика на присланный ему двухтомник Аристофана и продолжилась до сентября 1970 г. На письмо от 14 сентября я ответил ему, что собираюсь с лекциями в Тбилиси, и действительно уехал более чем на месяц, а по возвращении собирался, как обычно, дать полный отчет о поездке, когда 3 ноября мне позвонила из Ленинграда Н.А. Чистякова и сообщила о его внезапной смерти.

Формально я, живя в Москве, не мог быть учеником И.М., но за годы нашего знакомства стольким ему обязан, что имею полное право считать его своим духовным наставником. Переписка наша носила достаточно регулярный характер и наряду с научными вопросами касалась, естественно, многих бытовых и практических тем, имевших сиюминутное значение: заказы на иностранные книги, наведение разных справок в библиотеках, сообщения о планах летнего отдыха и т.п. Эти письма я не сохранял, хотя сейчас об этом и жалею. Сохранилось у меня в оригинале или в выдержках около полусотни из них. Едва ли целесообразно приводить их все целиком, так как письма, содержавшие целую консультацию по специальным научным вопросам, не могут быть одинаково интересны для всех. Кроме того, в ряде писем И.М. довольно высоко оценивал некоторые мои работы. Было бы нескромно с моей стороны доводить до всеобщего сведения эти его высказывания: я предпочитаю оставить их при себе. Поэтому я считаю более уместной тематическую классификацию, при которой легче осветить И.М. как ученого и человека.

Собственно говоря, не считая уже упомянутого письма И.М. от 4.II.1955 г., переписка и началась с чисто научного вопроса. Во время моего пребывания в Ленинграде летом того же года я заручился благословением И.М. писать книгу об Эсхиле и поэтому считал себя морально вправе советоваться с ним в тех случаях, когда у меня возникнут какие-либо сомнения. Как полагается, они не заставили себя долго ждать, и одним из самых трудных вопросов оказалась датировка трагедии «Молящие» в свете опубликованного в 1952 г. в XX томе Оксиринхских папирусов отрывка дидаскалии к «Данаидам» (№ 2256, фр. 3), заставлявшего, на первый взгляд, отнести эту тетралогию к 463 г., а не к числу ранних произведений «отца трагедии», как это делало до тех пор большинство исследователей его творчества.

Мои сомнения на этот счет спровоцировали И.М. обратиться к названному документу, результатом чего явилась его известная статья в ВДИ[2], которой, однако, предшествовали два письма ко мне в ноябре 1955 г., снабженные полным научным аппаратом: вопрос явно заинтриговал И.М. и он считал нужным осветить его в специальной статье, но с присущей ему деликатностью считал за мной «право первой руки». «Вы вызвали у меня такой интерес к этому фрагменту, что мне уже хочется высказаться о нем в печати – с источниковедческой точки зрения, не затрагивая вопроса о датировке в целом», – писал он 25.XI.1955 г. Разумеется, я ему тотчас ответил, что передаю ему свое сомнительное «право», и был вознагражден не только прекрасной статьей, но и посвящением на ее оттиске: «Дорогому В.Н. Ярхо, инициатору настоящей статьи, от ее исполнителя 25.XII.57». Надо ли говорить, как я тогда гордился и до сих пор, спустя 40 лет, горжусь этими словами! Конечно, эсхиловская тема не была этим исчерпана. И.М. терпеливо отвечал на все мои «запросы»: и относительно культа Диониса в микенское время, и по поводу еще одной папирусной дидаскалии – на этот раз к недошедшему «Филоктету» Эсхила, – и о вазовых рисунках, толкование которых вызывало у меня известные сомнения (письма от 31.III и от 11.IV.1957; 23.III.1958). В результате И.М. согласился взять на

---

* Расширенный текст доклада, представленного на заседание, посвященое столетию со дня рождения И.М. Тронского, в Санкт-Петербурге в Институте языкознания РАН в июне 1997 г.

[1] См. ВДИ. 1968. № 2. С. 215–217; 1971. № 2. С. 162–166; 1976. № 3. С. 214–216; Вопросы классической филологии. Львов, 1973. № 11. С. 3–9; Philologus. 1987. S. 309–317.

[2] Оксиринхская дидаскалия и тетралогия Эсхила о Данаидах // ВДИ. 1957. № 2. С. 146–159.

рецензию рукопись книги, очень помог мне своими предложениями и заинтересованно следил за процессом ее доработки. «Движение Вашего "Эсхила" меня очень радует, – писал он 31.III.1957, – но не ставите ли Вы перед собой слишком сложных задач в связи с переработкой? Как известно, лучшее – враг хорошего, и я добавлю, что самый страшный враг. Это относится к таким вопросам, как изображение человека, проблема трагического и т.п.».

Я так подробно остановился на вопросах эсхиловедения, затронутых в переписке с И.М., потому, что они отражают две важнейших стороны его научного облика: разносторонность интересов (как раз в это время он готовился перейти на работу в Институт языкознания, и мысли его были заняты, в общем, лингвистической проблематикой) и готовность оказать помощь всякому, кто за ней обратится. (В те годы мы еще не были так близки домами, как впоследствии, когда я мог позволить себе отрывать И.М. от дел, пользуясь его хорошим ко мне отношением).

О широте и размахе научных планов и свершений И.М. его письма дают достаточно наглядное представление. «Основная задача этого семестра – "запустить" (в значении: приводить в движение) мою "древнейшую историю греческого языка", которая у меня порядком "запущена" (в значении: не выполнена своевременно) по сравнению с плановыми предположениями» (12.IV.1961). Для сборника кафедры я написал статью, дополняющую и развивающую положения книги[3]. Получилось больше, чем они просят; авось, сделают исключение во внимание к старости... Рядом с этим чтение чужих работ. К счастью, этруски (диссертация В. Залесского. – *В.Я.*) отодвинулись, и я ими смогу заниматься в 1962 г. Но все прочее – и поздняя латынь, и Гомер в русских переводах – кумулировались в декабре и еще не полностью доведены мною до конца. Не хочу сказать, чтобы это мне не было интересно – я в принципе готов заинтересоваться любой лингвистической или литературоведческой проблемой, имеющей касательство к античному миру, – но все это требует времени. Гомер, кстати, в 600 страниц величиной». Далее шло подробное изложение истории о конференции по «Дисколу» Менандра в Иене, на которую И.М. не пустили врачи, и переход к следующей теме: «А в Москве я, пожалуй, буду, вместо Иены. Функциональный принцип требует единства при вариантности независимых переменных. Дискуссия, так дискуссия, а в Иене о "Дисколе" или в Москве о системности языка – это безразлично» (31.XII.1961).

«Ровно две недели, как мы с Вами расстались после столь приятно проведенного у Вас вечера. Еще через две недели с лишним – опять Москва, сессия по сравнительной грамматике, которая будет иметь место 17–21 ноября... Ноябрьская программа – сделать доклад на сессии, окончательно настроиться на год сравнительно-грамматических штудий, написать для сборника в честь М.П. Алексеева о "Грамматической трагедии" Каллия, прочесть на заседании памяти И.И. Толстого о его неизданном труде начала 20-х годов о греческой религии...» (31.X.1964). «Год на исходе... у меня последней акцией истекающего года явилась только что законченная статья о "Грамматической трагедии" Каллия для сборника в честь Алексеева[4]. Единственная недоделка плана – статья об изучении античных языков в СССР за пятьдесят лет; нужно будет сделать ее в январе[5]. Есть еще два дела. Я намерен писать о новом "Сикионце" Менандра, но французы, обещавшие выпустить его еще в июне, дотянули до конца года, и вот-вот он должен выйти в свет[6]. Второе дело – Тацит. Как послесловие к переводу Тацита я исписал 6,5 п.л. вместо трех (это в серии "Литературных памятников"). Издательство как будто готово издать этот опус отдельной брошюрой, но просит сохранить запланированный размер статьи. Писать новое я, конечно, не буду, но сокращение тоже отнимает время»[7] (30.XII.1964).

«Колесо вращается неослабно. В 20-х числах мая я был погружен в четвертый том "Сравнительной грамматики германских языков", которую пришлось рецензировать в крайне спешном порядке. Затем последовало составление доклада о греческих диалектах для подготовляемого нашим отделением Института сборника[8]... Сейчас же нужно будет приняться за

---

[3] Имеется в виду книга «Древнегреческое ударение» М.-Л., 1962. Статья, о которой идет речь, опубликована под заглавием: К вопросу о месте греческого ударения // Язык и стиль античных писателей. Л., 1966. С. 171–187.

[4] См. «Грамматическая трагедия» Каллия // Русско-европейские литературные связи. К 70-летию со дня рождения акад. М.П. Алексеева. М.-Л., 1966. С. 332–339.

[5] См. Классические языки // Советское языкознание за 50 лет. М., 1967. С. 143–157.

[6] См. «Сикионец» Менандра // ВДИ. 1966. № 4. С. 54–67.

[7] См. Корнелий Тацит // *Корнелий Тацит*. Сочинения в 2-х т. Т. 2. Л., 1969. С. 203–247.

[8] См. О диалектной структуре греческого языка в раннем античном обществе // Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969. С. 266–284.

статью о морфологической структуре греческого слова для другого институтского сборника... Доклад о диалектах не был случайным hors d'oeuvre. Он – предвестник будущего. На пятилетку 1966–1970 я объявил тему об общественно-исторических закономерностях обоих античных языков. Это будут проблемы диалектного членения и диалектной интеграции, соотношения между литературными языками и диалектами, взаимодействия греческого и латыни и т.д. Подробностей "свободного романа" еще не различаю с полной ясностью. В ленинградском отделении Института есть тенденция противопоставить столичной структуральной моде некий социологический аспект... Тема, намеченная мною, привлекает, главным образом, тем, что дает выход в литературоведение, возможность свивать обаполы моих интересов, рища в тропу Трояню...» (7.VI.1965).

«Черт меня угораздил проболеть полторы недели в самое неподходящее время, когда дорог каждый час. Я еще не выхожу на улицу и негодую на мир. "Ларингальная теория" – это одна из глав моей книги. О чем книга в целом, сказать трудно: в основном она посвящена спорным вопросам реконструкции индоевропейского праязыка. Младограмматики в свое время восстанавливали его по греко-санскритскому образцу, со сложной именной и глагольной системой. После открытия хеттского возник соблазн исходить из наименее развернутых систем, вроде германской. Эти проблемы я и обсуждаю – с весьма консервативным уклоном, но рассматриваю также и фонологическую сторону реконструкции. Готово уже около семи листов, но нужно десять. В этих размерах книга будет утверждаться к печати»[9] (17.XI.1965).

«Недавно я узнал из аннотации в "Rivista", что на одном из оксиринхских папирусов найдены три колонки той комедии (по-видимому, меандровской), с которой переведены "Bacchides" Плавта. Я возгорелся желанием включиться в разработку этого вопроса и немедленно заказал соответствующие материалы[10]. Пока это между нами, и прошу навести справку, есть ли в Москве где-нибудь: Plautus, Bacchides, ed. C. Questa, Firenze, 1965» (25.III.1969).

Переходя к разговору о помощи, которую И.М. оказывал своим (и не обязательно молодым) коллегам, я начну с его роли о подготовке нашего кафедрального учебника латинского языка. По своему обыкновению, И.М. написал два варианта рецензии: одну – для издательства, другую – для авторов; в этой последней содержалась как уничтожающая критика структуры учебника (первоначально он строился по грамматическим темам в порядке их прохождения), так и множество крупных и мелких замечаний, вследствие чего я счел наиболее целесообразным поехать в Ленинград и выслушать все предложения и объяснения И.М. лично. На мой телефонный звонок он ответил, что это было бы самым лучшим, и затем в течение трех или четырех дней в две смены (до и после обеда с небольшим перерывом) разбирал со мной слово за словом все наши прегрешения. Самое интересное началось, однако, потом, когда я, вернувшись в Москву, попытался реализовать все его предложения и при этом натолкнулся на массу не ясных для меня лингвистических вопросов. И вот, в ответ на них с осени 1959 г. до весны 1960-го я получил от И.М. три письма общим объемом в один печатный лист с цитатами из Плавта, Цицерона, Горация, Овидия, Тита Ливия, ни одна из которых, как я вскоре убедился, не вошла в его «Историческую грамматику латинского языка». Стало быть, ему пришлось специально для нас заново просматривать свои записи, конспекты, разные справочники и т.д. Добавлю, что еще в процессе работы над учебником в его первоначальном варианте я попросил у И.М. совета по достаточно запутанному в наших учебниках вопросу о долготе и краткости слогов и получил в ответ в письме от 18.VI.58 г. целую статью на трех, исписанных мельчайшим почерком страницах, причем в конце письма И.М. еще извинялся за то, что письмо вышло слишком длинным. Зато, когда учебник вышел из печати и наш рецензент снова просмотрел его, он написал, что «получилась вполне интеллигентная книга». Для его составителей это было наивысшей похвалой.

Точно также обстоятельно И.М. делился своими соображениями о моих работах (как в рукописи, так и уже напечатанных) по истории греческой литературы, иногда – не без иронии. Например, в связи с одним вопросом о языке Алкмана я получил такой совет: «Для некоторых была бы полезна книга "Древнегреческое ударение"...», – оказывается, я не заметил, что в этой его работе уже содержался ответ на мои недоумения. В другой раз на полях посланной ему рукописи я нашел замечание: «Волга впадает в Каспийское море». Не приходится говорить, что на такие его отзывы я и не думал обижаться. Приведу также размышления И.М. в связи с моей статьей о Гомере, в которой содержится сжатая характеристика его позиции по отношению к

---

[9] См. Общее индоевропейское языковое состояние (Вопросы реконструкции). Л., 1967.

[10] См. Комедия Плавта «Bacchides» и новонайденные отрывки ее оригинала (предварительное сообщение) // Проблемы античной культуры. Тбилиси, 1975. С. 139–153.

гомеровскому вопросу. «Пришел номер ВДИ с Вашей статьей[11]. Вы, по-видимому, еще работали над ней после наших бесед. Очень интересно. У меня два замечания. Во-первых, как ни расценивать примитивизацию Греции в по-микенское время, нельзя уже игнорировать то, что в основе гомеровских изображений – классовое общество, и повторять формулы Энгельса. Следы микенской монархии очень ясны у Гомера; возьмите, например, то место в IX книге "Илиады", где Агамемнон обещает в приданное за дочерью семь городов, – это никак не родовой строй. Во-вторых, никто не в праве считать себя разрешившим гомеровский вопрос. При этих условиях вряд ли целесообразно совершенно отвлекаться от аналитических гипотез, особенно современных. И если Вы устанавливаете в "Одиссее" некую двойственность этических оценок, то весьма интересно было бы знать, как это соотносится с А и В фон-дер-Мюля или Шадевальдта. Для меня неважно, что такое эти А и В – разные ли лица, или одно лицо на разных этапах творческой биографии, или даже фантомы. Я только хочу, чтобы всякое исследование Гомера было ориентировано также и в эту сторону, которую абсолютно нельзя считать сданной в архив» (письмо от 5–6.VI.1962 г.).

В начале 1966 г. И.М. взял на рецензию рукопись I тома «Истории всемирной литературы», подготовленную сотрудниками ИМЛИ. Вошли туда и мои главы о древнегреческом эпосе, лирике и трагедии. И.М. похвалил меня за эпос и трагедию, а главу о лирике счел «бледной». «Она мне очень напомнила мое собственное изложение почти тридцатилетней давности, – писал он 23.III.1966 г. – Приятно, конечно, что оно продолжает оказывать помощь ближним, но из всех разделов моей книги, во многом уже ставшей далекой от меня, это – самый устаревший. Я его писал нарочито кратко, считая этот материал недоходчивым для студентов 30-х годов. Сейчас он выглядел бы у меня совсем другим». После этого следовали не только соображения методологического характера по всей книге в целом, но и достаточно обширный список литературы, рекомендуемой мне для повышения квалификации.

В продолжение этой темы напомню, что за время нашего знакомства И.М. неоднократно выступал оппонентом по докторским диссертациям (Н. Гринбаума, В. Залесского, Г. Клычкова, Э. Макаева, Ю. Откупщикова, А. Широковой – перечисляю в алфавитном порядке, кого помню) и обычно делился своими впечатлениями от них в письмах. При этом темы диссертаций, от ларингальной теории и этрусков до языка Пиндара и фонологии балканской латыни, лишний раз говорят о размахе научных интересов оппонента.

Научная активность И.М., естественно, не ограничивалась текущими делами, равно как Москвой и Ленинградом. Он принимал самое деятельное участие в работе всех пяти конференций по классической филологии (в Москве и Ленинграде в 1957 г., в Ленинграде в 1961 г., в Киеве в 1966 г., в Тбилиси в 1969 г.), в международном лингвистическом конгрессе в Бухаресте в 1967 г., куда он поехал по частному приглашению, обманув бдительность врачей; посетил в 1962 г. Львов по приглашению тамошней кафедры классической филологии. Отклики на некоторые из этих мероприятий сохранились в его письмах.

К ленинградской конференции 1957 г. И.М. пришлось взять на себя значительную часть предварительной работы. «Только что принесли мне от Казанского пачку тезисов, в том числе Ваши. Слишком пространные. Если будем их печатать и я буду редактором, безжалостно обкарнаю, особенно по линии формалистических сопоставлений» (письмо от 8.V.1957 г.).

Впечатления от поездок во Львов, Бухарест и Тбилиси привожу без комментариев.

«Уже четыре дня, как вернулся из Львова... В общем поездка прекрасная. И. Кобов, и С.Я. (Лурье. – *В.Я.*) с супругой наперебой окружали нас своими заботами, показывали город и играли роль золотой рыбки при исполнении всяческих желаний. Я еще работал, читал доклады, писал рецензии, давал консультации, а Мария Лазаревна (супруга И.М. – *В.Я.*) почти все время гуляла, съездила в Ужгород, где пользовалась гостеприимством Сака, и пришла в восторг от самого города и от пути – особенно при обратной поездке через Самбор» (письмо от 5–6 VI.1962 г.).

«Бухарест – настоящий большой город, очень оживленный, с динамичным темпом жизни. Прага по сравнению с ним провинция, но Прага чудесна памятниками, а здесь дикая безвкусица, полное смешение стилей, помесь деревни с американизмом, кое в чем напоминающая Москву в ее старых районах... С классиками встречался и в Институте языкознания, и на университетской кафедре. Они все хорошо знают мои работы. Моя "История античной литературы" служит учебником в машинописном переводе. Некоторых работников я уже знал лично или по переписке. Конгресс был многолюдным. Советских приехало – делегатов и туристов – 96 человек, я был 97-м. А потом – представители многих десятков стран; больше всего было

[11] Вина и ответственность в гомеровском эпосе // ВДИ. 1962. № 2.

американцев. Много было лингвистов-классиков: Девото, Пизани, Марцулло, Лойман, Риш, Шерер, Тайарда, вездесущий Георгиев и мн. др. Десятки лекций. Объять это все можно будет только тогда, когда выйдут "Акты". Пленарные заседания посвящены были важным вопросам, но вряд ли продвинули их вперед Девото читал о сравнительном языкознании и современных течениях и призывал к "сосуществованию" – coexistenza politica, coexistenza religiosa, coexistenza scientifica. Но сосуществование еще не дает синтеза... Впрочем, структурализм все менее удовлетворяет широкие круги лингвистов. Справедливо говорят, что значение съездов не в докладах, а в контактах. А контакты были интересные. Я и раньше знал, и еще раз убедился, что, в то время как зарубежные классики как правило по-русски не читают и работы для них terra incognita, лингвисты, в особенности компаративисты, владеют русским языком очень часто, следят за "Вопросами языкознания" и нашей книжной продукцией, и мы для них не какие-то белые вороны, а люди, которых они читали и с которыми они рады познакомиться лично» (30.IX.1967).

«В промежутке между нашими письмами – Тбилиси. Поездку как таковую – а мы езили с М.Л. вдвоем – надо расценить весьма положительно. Погода улыбалась, а люди и того более – разбивались в лепешку, чтобы сделать наше пребывание приятным... Избранное общество все время банкетировало. В промежутках между банкетами происходили доклады (учитель М.Л., Ф.А. Браун, в свое время говаривал, что занятия – неприятный промежуток между каникулами; так было и здесь). Я, наподобие Буриданова осла, разрывался между литературоведческой секцией, одним из руководителей которой я официально считался, и лингвистической, на которой выступали мои институтские ученики, а также почтенные тбилисские лингвисты, на докладах коих мне полагалось присутствовать. Ретроспективно оценивая научное лицо конференции, должен сказать, что участники проявили много доброй воли; темы были разнообразные и, чаще всего, заслуживающие внимания. И, вместе с тем, густой налет провинциализма. Люди сидят в медвежьих углах, новых книг не видят и общаются – в лучшем случае – с "философами" своих институтов. Серьезные доклады были почти только из Москвы, Ленинграда и Тбилиси. Языкознание, как будто, было на более высоком уровне, чем литературоведение, – но мне не пришлось присутствовать на наиболее интересных литературоведческих докладах» (7.XII.1969).

Оценка работ своих коллег, а вместо с этим часто и их научного лица – особая тема, обширно представленная в письмах И.М. Здесь его отличала и строгость суждений, и редкая объективность. Так, отвечая на мое толкование проблемы ответственности в гомеровском эпосе, И.М. замечал: «В том, что Вы пишите о предполагаемой статье, совершенно согласен с Вами. Также насчет модернизаторских тенденций С. Вы напомнили мне о том, что он прислал мне свой оттиск, а я его не открывал, предполагая, что он не содержит ничего нового по сравнению с текстом диссертации. Открыл и нашел полемику со мной. Для него Гомер – все, квинтэссенция содержания жизни. Это очень симпатично, но вне исторической науки» (8.V.1957). На выход в свет книги переводов «Поздняя греческая проза» (1960) И.М. реагировал следующим образом: Сама по себе, конечно, книга это очень полезная, особенно, если учесть всякие "объективные" условия, препятствующие действительно объективному показу литературы этого периода. Статья могла бы быть если не большей по размеру – тут опять "объективные" причины, – то по крайней мере менее апологетической. Во "внутренность" я, разумеется, не входил, но некоторые вещи, сами собой бросающиеся в глаза, раздражают. Так, "великолепен" финал, последняя строчка последнего примечания. В книге, набиравшейся в 1960 г., "Дискол" продолжает оставаться "недошедшей комедией Менандра", хотя о нем трубит весь мир с 57 г. В переводе Флегонта и в примечании к нему говорится об "императоре", согласно примечанию – Адриане, хотя в оригинале идет речь о "царе" и имеется в виду Филипп Македонский. Статья С.И. Соболевского о "Коринфской невесте" вышла, очевидно, уже слишком поздно (в ней упоминается об этом), но повествование Флегонта полностью было объяснено еще Роде в 1877 г., и срок в 83 года оказался недостаточным, чтобы это дошло до уважаемых составителей сборника» (14.III.1962).

Достаточно иронически отозвался И.М. на книгу «Художественный метод П. Теренция Афра», не забыв, однако, сопроводить свое мнение методологическим обоснованием: «В качестве душеспасительного чтения – на сон грядущий – я выбрал книжку С. Для этой цели она вполне пригодна: virtus dormitiva имеется. Вообще, я одобряю такие темы, но сделано сие весьма наивно, много элементарно-общеизвестного. Вопрос об отношении "бытовых" зарисовок римской комедии к реальной действительности, и в частности о фигуре раба, значительно сложнее, чем это представляется не только нашим витязям (вроде Коржинского), но и их зарубежным критикам – имею в виду недавнюю работу Шпрангера о рабах у Плавта и Теренция. Другой камень преткновения – соотношение между римской комедией и νέα. Мне,

например, смешно читать, что образ парасита Гнафона – "большое достижение" Теренция. Думаю, что авторские права принадлежат здесь Менандру. М.б. "Дискол" несколько образумит слишком рьяных сторонников самостоятельности римской комедии. Из книги С. все же можно узнать, что Волга впадает в Каспийское море. Статья Ш. о Катулле – просто макулатура и с методологической, и с филологической стороны. Как видите, я разбрюзжался... Признак подкрадывающейся старости?» (12.IX.1961).

Нет, это не было «старческим брюзжанием». Любой вышедший из печати труд И.М. оценивал очень трезво с точки зрения состояния нашей науки, стремясь найти в ней место для новой работы. Часто он совмещал свою оценку с отношением к автору; здесь субъективный элемент был, конечно, неизбежен, как и в откликах на сообщения о смерти его коллег. Возможно, в наши дни, 30 и более лет спустя, кому-то эти оценки представятся спорными, кто-то не согласится с ними совсем, но не включить их в настоящую подборку значило бы очень обеднить научный облик И.М., тем более что своих мнений он никогда не скрывал. Разве только в письмах высказывался более определенно.

«Вересаевские переводы, наконец, заполучил[12]. Имею также Катулла–Тибулла–Проперция[13]. К переводам Остроумова я в былые дни (лет 25–30 назад) приложил некоторую редакторскую руку, пока не рассорился с "Academia", собиравшейся их издавать. К сожалению, некая цензура исключила из Тибулла его παιδικά. Предисловия – и к Вересаеву, и к римским поэтам – удручающие, ни одной свежей мысли. Единственное положительное качество – краткость. И это печально, потому что при трудностях печатания научных статей, библиотечка Гослитиздата могла бы стать отдушиной для авторов» (26.XI.1963).

«На днях вышла книга А.Н. Егунова "Гомер в русских переводах XVIII–XIX вв." – от Ломоносова до Жуковского и его современников (Минский, 1896 г., уже не затронут). Я в свое время рецензировал эту книгу для ИФЛИ[14], и она мне очень понравилась. Это – первое исследование такого рода у нас, выявляющее место Гомера в созидании русской литературы. Ничто так не свидетельствует о научной бесплодности нашего дореволюционного классицизма, как его полная неспособность показать связи русской и античной культуры» (3.II.1964).

«Река времени в своем стремленьи...
Две смерти встретились...

Не буду писать о Сергее Ивановиче (Радциге. – *В.Я.*) Γλαῦκ' εἰς Ἀθήνας. Вы его знаете гораздо полнее и многостороннее, чем я. Sit ei terra levis! Но я хотел бы сказать несколько добрых слов об Андрее Николаевиче Егунове, человеке большой культуры – еще времен символизма, – несравненной эстетической тонкости и нелегкой судьбы. Его "Гомер в русских переводах XVIII–XIX вв. – ein glücklicher Wurf, книга, не имеющая себе равных в нашей научной литературе. Присудить ему за этот труд докторскую степень было бы плевое дело. Однако он не имел кандидатской степени, никогда не сдавал кандидатского минимума и не хотел его сдавать. Радость его жизни состояла в том, что он переводил Платона – с отличным знанием греческого языка и безошибочным чувством русского стиля» (6.X.1968).

«Соболевского просмотрел. Конечно, архаично и совершенно без знания литературы, даже очень старой, но по-своему солидно и может принести пользу читателю» (23.III.1958).

«Только сегодня мне принесли новую "Античную литературу" Л. и К°. Пока прочел только главу о Гомере и несколько огорчился – ожидал лучшего. Похвальное желание все объяснить, и притом в сжатой форме, делает местами изложение совершенно непонятным, а книга должна быть популярной. Гомеровский вопрос – хаотично. Фольклорные связи не выявлены ни в сюжете, ни в стиле. О крито-микенском говорится мало и в неясной для читателя форме. Посмотрим, как будет дальше» (25.IV.1963).

«Умер Соболевский... Анисимов[15] клялся, что ИМЛИ считает для себя делом чести довести его до 100 лет. Не дотянули... Я узнал об этом не сразу. Номер "Литгазеты" с некрологом почему-то не пришел, а в других центральных газетах как будто ничего не было. Вы знаете, что я не разделял свойственного многим москвичам отношения к нему как к кумиру. Дореволюционные воспоминания неизменно связывали С.И. с черносотенным "Союзом Михаила Архангела" (не знаю, был ли он членом этой организации, но находился в контакте с

---

[12] Речь идет о книге: Эллинские поэты. Пер. В. Вересаева. М., 1963.

[13] Речь идет о книге: Катулл. Тибул. Проперций. М., 1963.

[14] Имеется в виду Ленинградский институт истории, философии и лингвистики, существовавший до войны.

[15] И.И. Анисимов – в те годы директор ИМЛИ.

ней, читал доклады на ее собраниях), с архиреакционнейшим министром Шварцем – одним словом со всем тем, что я слишком ненавидел, чтобы когда-либо позабыть. Не могла меня радовать и позднейшая его деятельность как столпа консерватизма в преподавании древних языков, как вдохновителя фактографии и безыдейности в академических историях античных литератур. Однако известие о кончине человека, жизнь которого обняла длительностью век, который только на три года моложе моего отца и на два года старше моей матери, не могло не погрузить меня в некие раздумья о днях минувших. С.И. был последним, единственным дожившим до наших дней филологом, который был вскормлен еще толстовским – даже не деляновским – классицизмом. И он донес до конца жизни основные особенности этого классицизма – splendid isolation античности с отрицанием полезности всякого сравнения, а внутри классических дисциплин с решительным превалированием формальной филологии в противовес универсальной Altertumswissenschaft Виламовица. Так он и шел своим путем, не примыкая ни к одному из новых (для его времени) направлений. На этом пути он мог приходить к выводам, значительно опережавшим его взгляды. В статье о временах греческого глагола он дал "негативную" формулировку значения аориста, которая под стать любому структуралисту. Но такие находки, конечно, редки. Преобладает чистый эмпиризм.

Фактография заставляет вспомнить и о своей противоположности. Л. я дочитал... Некоторые главы блестящи, рядом с заумью. Творчество педвузовских дам отвратно. Я написал большое письмо, но еще не отправил его. Абсолютно вежливо, с комплиментами (не против совести), но с указанием основного (неровность, спорность, трудность и т.д.). Вокруг этой книги еще может загореться сыр-бор» (12.V.1963).

«Вас похвально упомянул Л. на стр. 250 "Истории античной эстетики". Я прочитал пока только половину: смесь интересного и тонкого с необузданно фантастическим. Он хочет быть plus catholique que le pape и вывести античную эстетику непосредственно из формулы соотношения раба и рабовладельца, логически развивая ее почти на гегелевский манер. Однако рабовладельческими были также Египет, Вавилон, Индия, Китай и т.д. Почему же их идеология столь различна и не столь похожа на античную? Но какая колоссальная работоспособность!

...Дочь С.И. Ковалева прислала мне посмертный труд отца – "Основные вопросы происхождения христианства". К чтению его я еще не приступил. С.И., вообще говоря, относился к этому вопросу более трезво, чем большинство наших историков (включая и Я.А. Ленцмана), хотя и считал Иисуса мифологической фигурой. Обоснованной позиции я в этих делах не имею. Это – особая специальность, для занятия которой надо изучить бездну источников и владеть рядом восточных языков (С.И. всего этого не знал), к тому же я с юных лет активно не любил этой тематики и стал классиком именно из отрицательного отношения к иудео-христианскому мировоззрению. Но в порядке своих домашних представлений я крайне недоверчиво отношусь к мифологическому толкованию личности Иисуса. Мифы создаются – особенно в столь поздние времена – по неким трафаретам, и я никогда не видал мифа, где бог становился бы плотником. Трафарет есть в схеме "смерть–воскресение", но что это – миф, никто ведь не сомневается. Наличие мифа об Иисусе еще не превращает его самого в миф» (3.II.1964).

«Сегодня – печальный день. Утром сообщили, что вчера скончался С.Я. Лурье. Мы во многом не сходились в последние годы, но он был многосторонний и талантливый исследователь, с пытливым умом и богатым воображением. Когда-то мы были очень дружны, и с его смертью уходит в прошлое часть меня самого, часть моего идейного и творческого роста двадцатых и начала тридцатых годов» (31.X.1964).

Когда дело касалось младшего по сравнению с И.М. поколения, он охотно совмещал свой отзыв с шуткой. Такой характер носило его посланное в два адреса письмо в ответ на адресованную ему К.П. Полонской и мною книжку «Античная лирика» с просьбой о милосердном к ней отношении.

«Виктор и Клара чудесная пара. / Прислала мне пара свой труд в виде дара. / В той книжке у пары всей лирики чары. / "Спасибо" шлю паре в одном экземпляре. (Конечно, с копией, но в одной редакции).

Дорогие друзья! Итак, вы жаждете не "справедливого" суда, не "бесстрастного", не "дружески благожелательного", а "милосердного"... Что может быть проще, легче и безответственнее, чем быть милосердным? Нет ничего безжалостнее жалости. Сколько роскошных цветов искренности, гнева, негодования растоптала она, бесшумно ступая по мягкому ковру! Это – декламация? Несомненно. "Лирично?". По крайней мере по замыслу.

Задача облегчается добавочным обстоятельством. Друзья мои! Вы, по какой-то причине (вероятно, основательной – это не упрек), отправили мне книгу, когда она уже давно была на полках ленинградских книжных магазинов. Неужели вы думаете (sic notus Ulixes?), что я могу удержаться от того, чтобы поскорее испить мед из ваших уст и не отстать от новейших научных

достижений? Я всегда так поступаю: завладеваю книгой, как только ее вижу, а когда мне ее присылают, ранее приобретенный экземпляр поступает в собственность секретаря. Таким образом, я книжку прочитал еще до того, как получил от вас, и, твердо зная, что экземпляр у меня не останется, не делал при чтении заметок. Я не могу метать громы: перун выпал из моих рук – βροντᾶν δ'οὐκ ἐμόν, ἀλλὰ Διός[16]. Поэтому оставляю мелочи в стороне. Их очень немного. Самая серьезная из них находится на первой странице римской части. Дорогая Клара Петровна, перечитайте Геллия!

П.Н. Берков всегда негодует, когда видит книгу без предисловия. Я бываю очень часто повинен в этом грехе. Но к вашей книжке предисловие было бы очень нужно для выяснения, какому читателю она адресована. Человеку, знакомому только с кратким учебником, или даже, может быть, не знакомому с ним, она много что скажет. Но она содержит новое и для специалистов – раздел о классической греческой лирике, в которой введены положения из диссертации об Эсхиле, а в римской части особенно Катулл, а также элегики. Должен ли в такой книге быть показан литературно-исторический процесс? Не знаю. Но у вас его нет.

Надо сказать, что из всех тем, посвященных истории античных жанров, ваша самая трудная. С драмой или даже с эпосом было бы гораздо проще и конкретнее. В вашей теме все время путаются два аспекта – лирика в античном смысле слова и в нашем. Где граница лиризма? Хоры трагедии и Аристофана – это лирика или нет? Это объективные трудности. Ваш замысел прибавил к ним новые. У вас получилось чуть ли не по Гегелю: Греция сходит со сцены, чтобы уступить место Риму. Вы закончили греческую лирику I в. до н.э. А что было позже?

Греческую эпиграмматику эпохи империи, тянувшуюся до 6 в., вы гильотинировали, как и позднейшую анакреонтику. Но самое серьезное, на что вы не обратили внимания читателя, это транспозиция лирики в софистическую прозу. Проза замещает лирические жанры со времен Исократа, а вторая софистика называет элабораты своего эпидиктического красноречия гимнами. В римской части тоже можно было бы двинуться дальше II в. н.э. Я очень пожалел, что не встретил своей старой любимицы "Всенощной Венеры", лиризм которой иногда перекликается с поэзией Нового времени.

Около 60-ти лет назад Э. Норден выдвинул ряд требований к исследованию истории античного жанра; к числу их относились: не отделять прозу от стиха и христианскую литературу от языческой. Думаю, что требования эти не устарели» (письмо от 17.XI.1967).

Как видим, начав с шутки, И.М. выдвинул по отношению к нашей работе достаточно серьезные методологические претензии.

Следует заметить, что и к себе самому И.М. относился не без юмора. Сообщая о своем докладе о древнегреческих диалектах, он добавлял «Этим материалом я морил почтеннейших слушателей в течение полутора часов» (7.VI.1965). Или, например, такое письмо: «Я ни на минуту не сомневаюсь, что Вы, как и все советские граждане, в сегодняшний праздничный день едите в радости хлеб свой и пьете с веселием вино свое. А что делает Ваш корреспондент? Всю неделю корпит над корректурой! И какой корректурой? Адской!

Мне на праздники подбросили подарочек – полную верстку "Древнегреческого ударения". С одной стороны, конечно, приятно, quod non dispereunt tui labores и что книга скоро выйдет, – но возни уйма. Приходится разбираться во всем, что напутали автор (Вы видите, что я не страдаю отсутствием самокритики), секретарша, две машинистки, издательские работники, вычитавшие книгу без понимания ее содержания, наборщики и два корректора, из которых ни один не знает греческих букв и которые систематически портили то, что было правильно набрано. То, что один из этих корректоров превратил по дороге "дорян" в "дворян", я расцениваю как положительный факт, как проявление методологической бдительности. В довершение всего у меня много греческого текста, особенно в примечаниях, которые идут в конце книги и занимают свыше трех листов (из семи листов текста). Не могу пожаловаться на типографию, она набрала греческий текст гораздо лучше, чем я ожидал, но тем не менее ошибок достаточно, и если прибавить несовершенства рукописи, вызванные суммой упомянутых выше факторов, сжатый набор петитом, в который нужно вглядываться, и недостаточность полей для правки, Вы поймете, как я провожу праздничные дни» (7.XI.1961).

Вообще, очень ошибались те, кто представлял себе И.М. суровым и нелюдимым затворником, покидавшим свой кабинет только ради университетских лекций и просмотра новой литературы в библиотеках. И.М. любил театр и следил за интересными новинками. Именно от него в одну из наших первых встреч я получил совет посмотреть в Большом

[16] «Метать громы не мое дело, а Зевса» – стих Каллимаха.

драматическом театре только что тогда поставленную пьесу Фигерейдо «Лиса и виноград». О его собственном посещении театральных спектаклей в письмах сохранилось два отзыва.

«Наконец, увидел "Медею"[17]. Впечатление – смешанное. С одной стороны, несомненно, что трагедия Медеи доходит до публики (играла Козырева). Но много дурного трюкачества – с хором, с масками, которые не нужны для тех, кто понимает, в чем дело, и ставят совершенно в тупик широкую публику. Но главное для меня в том, что наши актеры, воспитанные на всяких "под-текстах", ни в какой мере не способны играть в высокой трагедии.

Что делать вам в театре полуслова
И полумаск, герои и цари?
И для меня явленье Озерова –
Последний луч трагической зари.

(Мандельштам)

Сентиментально-декадентский перевод Анненского, вероятно, в свою очередь затрудняет дело, толкая актеров на бытовые интонации вместо "возвышенной боли" (даже у Еврипида)» (5–6.VI.1962).

«Относительно известного Вам дня в конце мая (28 – день рождения И.М. – *В.Я.*) у нас было давно решено отметить его "выходом" в балет, где я уже много лет не был. Билеты были взяты на архимодернистический спектакль – "Двенадцать" плюс "Клоп". Однако благодетельная фея, покровительствующая классикам, озаботилась внезапной переменой программы. Дали "Золушку". Т.о. мое хореографическое образование не повысилось, но зато мы с М.Л. получили истинное удовольствие. "Астральное тело" мое знало, конечно, что Вы в это самое время звонили. Телеграмма Ваша, посланная с отчаяния, пришла рано утром» (7.VI.1965). Оценить значение этого примечания можно, только помня, что И.М. работал обычно до поздней ночи и день в их доме начинался не раньше 10–11 часов утра.

В отношениях с людьми И.М. никогда не отказывался от своих принципов ни в их оценке, ни в верности своим научным взглядам. Но те из его окружения, кого он хоть в какой-то степени ценил (в том числе и приезжавшие в Ленинград), едва ли могут сосчитать, сколько раз они бывали в доме на Невском, 11, за обедом или за ужином, где никогда не было недостатка в шутке и смехе. Несколько примеров юмористических высказываний И.М. сохранилось в его письмах.

Получив изданную В. Мартеном рукопись «Дискола», он писал: «Нового Менандра получил и пришел в телячий восторг от того, как это издание – с внешней стороны – выполнено» (23.IX.1959). Ознакомившись с весьма фантастической второй частью III тома издания аттической комедии Эдмондса, И.М. замечал: «Я взял ее в библиотеке и довольно долго не открывал, но, когда открыл, глаза у меня вылезли на лоб». И далее, в связи с неким документом, якобы обнаруженным Эдмондсом при просвечивании в инфракрасных лучах, добавлял: «Ясно,что все это "филькина грамота" (это видно и из существа дела), но пока я не знаю, стал ли Эдмондс жертвой подделки или сам сочинил все это. Пути человеческого безумия ведь неисповедимы» (19.III.1962).

В том же письме – сообщение о заседании ленинградской кафедры классической филологии с докладом Я.М. Боровского на несколько щекотливую тему: «Кстати о Я.М. Между ним и С.Я. (Лурье. – *В.Я.*) давно уже идет дружеская пря – uberrime per litteras agitur – насчет стиха Тиртея из фр. 7 (Диль): αἱματόεντ'αἰδοῖα φίλαισ'ἐνχερσὶν ἔχοντα. С.Я. (и не он один) выводят отсюда, что у греков был обычай отрезать у убитого врага член и вставлять в руку. Классицистические чувства Я.М. протестуют против приписывания грекам 7 в. такого примитивизма, и он на прошлой неделе читал на кафедре специальный доклад на эту тему, и при том по-латыни, во славу viva Latinitas и чтобы не нарушать стыдливости родной речи. Кафедральные дамы очень забавлялись» (19.III.1962).

По поводу моей попытки уединиться в Звенигороде, чтобы московская суета и телефонные звонки не мешали работе, И.М. писал: «"Если Вы систематически проводите более полунедели за городом, Вы поступаете мудро". Сентенция эта даже кажется мне достойной перевода на латинский язык и помещения в Вашем учебнике в качестве примера то ли на условные предложения, то ли на quod explicativum, которого у Вас, кажется нет. Вы спросите, а как я? Video meliora proboque, / Deteriora sequor...» (14.III.1961). Когда я сообщил ему о гипотонии, нажитой в результате усиленной работы над диссертацией, то получил такой ответ: «...Вот и

[17] Речь идет о постановке Н.П. Охлопкова в московском театре им. Маяковского.

Вы рисуетесь (во время моего одесского детства сказали бы "задаетесь"): у меня, дескать, гипотония. Нашли чем удивить меня, старого воробья! У меня тоже гипотония, и при том всегда, перманентно. И главное, она мне не мешает, и я очень доволен сожительством с нею» (IV.1962). Еще одно письмо начиналось с некоего подобия черного юмора: «Юбилей – генеральная репетиция погребальной церемонии. Разница в одном: в гробу человек лежит, на юбилее стоит. Прошлогодний юбилей прошел в приятной, сердечной атмосфере. Стало быть, есть основания ожидать...». Размышление это, по прошествии года после празднования 70-летия со дня рождения И.М., было вызвано моим отчетом в ВДИ об этом событии, который И.М. весьма одобрил и после выражения благодарности добавлял: «Известная Вам М.Л. утверждает, что Ваша оценка моей деятельности незаслуженно завышена. Несть пророка в своем отечестве!» (24.VI.1968).

Со сдержанной иронией относился И.М. к движению за «живую латынь», самым горячим поклонником которой был, как мы уже знаем, Я.М. Боровский. Обоих ученых связывала почти пятидесятилетняя дружба; Я.М. часто был редактором трудов И.М., что не мешало последнему подтрунивать над ним, называя его в шутку «агентом Ватикана». «Я.М. прислали "Acta omnium gentium conventus Latinis litteris linguaque fovendis" – труды римского конгресса 1966 г., на который он сам не поехал. Однако доклад его читали, и он стал там одним из героев дня. Его бесконечно цитировали, сам Павел VI, принимавший членов конгресса, сослался на него, а председатель конгресса Романелли привел в качестве свидетельств неувядающего значения латинского языка и классической культуры декрет Иоанна XXIII, "сходные мысли" Я.М. и высказывания Антонио Грамши. Соседи Я.М., таким образом, балансируют друг друга» (6.X.1968).

Постоянным объектом насмешек И.М. были врачи. Долечиваясь дома после перенесенной им в начале 1963 г. болезни, он писал: «Ежедневно приходит ко мне моя физкультурница и "учит" меня подыматься по лестнице. "Дошли" уже до двенадцати ступенек. Каждые три ступеньки измеряет пульс. Я отношусь к этому всему как к дуракаваляниюи про себя убежден, что, если бы я спустился с моей лестницы вниз и потом поднялся бы наверх, то ничего бы со мною не произошло. А насчет пульса начинаю верить старому анекдоту: "Ведь мы с вами знаем, что пульса не существует"... По моей теории врачи – профессиональные лжецы, и я принципиально не верю ни одному слову из того, что они лопочут: они либо пугают, либо приукрашивают. Εἰ μὴ ἰατροὶ ἦσαν, οὐδὲν ἦν τῶν γραμματικῶν μωρότερον – если бы на свете не было врачей, самый глупый народ были бы филологи» (27.III.1963). И еще через месяц: «Понемногу "выздоравливаю", т.е. спускаюсь с лестницы и прохожу какой-нибудь квартал в сопровождении физкультурницы, которая ежеминутно измеряет пульс и перманентно находит его вполне удовлетворительным... Дщерь Эскулапа, которая возится со мной, настоятельно рекомендует в конце мая или в июне поехать в Узкое, но у меня нет охоты к этому. Достаточно с "них" того, что я согласился провести июль-август на даче» (25.IV.1963).

Этот год был вообще для И.М. не слишком счастливым: «Еще один месяц выпал из жизни, притом крайне изнурительный. Если верить медикам, это был вирусный грипп. Однако я – скептик, зараженный дурными теориями, и не очень верю в существование такой болезни. Мне легче верить, когда мне говорят, что я перенес вирулентный грипп, – инфекция, действительно, была очень тяжелой. Уже 10 дней, как вернулся из больницы домой, но еще не выходил на улицу. Сначала просто был слишком слаб, а затем ни с того, ни с сего, к изумлению дочерей Асклепия, снова подскочила температура, которая в больнице все время была нормальной. Мудрое заключение – борьба с инфекцией продолжается. Теперь, кажется, все уже прошло, и я собираюсь попробовать прогуляться по Невскому» (26.XI.1963). В связи с отношением И.М. к медицине М.Л., вспоминая недобрые дни начала 1953 г., как-то сделала к его письму приписку: «И.М. стал скандалить: затевает дело врачей. Прямо Тимашук какая-то стал!».

В настоящую подборку вошли, конечно, не все письма, адресованные мне И.М. Осталось за ее пределами то, что носило слишком личный и слишком скоропреходящий характер. По прошествии многих лет я вижу, что не я один злоупотреблял драгоценным временем И.М., но кто же захотел бы и смог отказаться от возможности советоваться с человеком такого ума, таких знаний и такой душевной широты? Льщу себя надеждой, что и наши письма были ему не совсем безразличны, позволяя следить за тем, что происходит вокруг него и в нашей науке. Во всяком случае, мне в течение достаточно долгого времени посчастливилось быть одним из его корреспондентов, благодаря чему в письмах И.М. сохранился для меня образ их автора, который со временем не удаляется от меня, а, наоборот, каждый раз вырисовывается со все большей отчетливостью и рельефностью. Удалось ли мне передать это ощущение тем, кто не мог лично знать И.М., решать не мне.

Хочу закончить выдержкой из уже упоминавшегося в самом начале его письма от

14.IX.1970 г., которому суждено было стать последним в нашей переписке. Я получил его примерно через месяц после неоднократных встреч с И.М. во время XIII Международного конгресса историков в Москве – и в зале заседаний, и в его гостиничном номере, и в домашней обстановке. Давно я не видел его в таком состоянии исключительного творческого подъема, какой он испытывал тогда, приближаясь к завершению своей монографии «Вопросы языкового развития в античном обществе»[18]. По одной из глав этой рукописи И.М. в самом конце октября прочитал в секторе индоевропейского языкознания Ленинградского отделения Института языкознания интереснейший доклад о языке Гомера[19]. Завершить эту книгу он не успел...

Итак, из последнего письма: «Видали ли Вы книгу Каллистова об античном театре и считаете ли Вы, что он исчерпал тему и навеки освободил других исследователей от необходимости возвращаться к ней? Если нет, то почему?... Тружусь... Денно и нощно пишу гисторию злодея, то бишь греческого литературного языка. Московский конгресс и сопряженные с ним встречи уходят в туманную даль...»

В.Н. Ярхо

[18] Опубликована посмертно (Л., 1973).

[19] См. Язык Гомера // ВЯ. 1971. № 3. С. 100–114.